О. АМОНЪ.

СОБСТВЕННОСТЬ,

ЧѢМЪ ОНА БЫЛА, ЧТО ОНА ЕСТЬ И ЧѢМЪ ОНА БУДЕТЪ.

ОДЕССА
Типографія „Техникъ", Екатерининская, 58.
1917.

1- Ш 25

К.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИВ58
А 519

Библиотека
Института Ленина
при ЦК КПСС

Ж27 16358
20

I. Собственность въ прошломъ.

Чтобы съ полной ясностью разобраться въ вопросѣ, подлежащемъ нашему изученію, необходимо прежде всего опредѣлить самый терминъ „собственность". Литрэ говоритъ, что подъ этимъ терминомъ подразумѣваютъ „вещь, которая принадлежитъ кому-либо". Въ этомъ смыслѣ мы и будемъ употреблять на протяженіи предлагаемой статьи слово собственность. Мы будемъ также пользоваться имъ и въ смыслѣ слегка отличномъ, въ томъ смыслѣ, который тотъ же Литрэ опредѣляетъ такъ: „собственность есть право, въ силу котораго вещь принадлежитъ кому-либо". Это же самое имѣетъ въ виду и французскій гражданскій кодексъ, гдѣ говорится: „собственность есть право пользоваться и располагать вещами вполнѣ и безусловно". Если задуматься немного надъ этими двумя опредѣленіями собственности — однимъ, опредѣляющимъ ее, какъ „находящуюся въ обладаніи вещь", и другимъ, опредѣляющимъ ее какъ „право на обладаніе вещью", —то станетъ яснымъ, что первое опредѣленіе—абстрактно, второе конкретно. Слѣдовательно,—поскольку абстрактное вытекаетъ изъ конкретнаго,—опредѣленіе собственности, какъ „права на обладаніе вещью", происходитъ изъ опредѣленія ея, какъ

„находящейся въ обладаніи вещи". Оба эти опредѣленія мало разнятся другъ отъ друга, и общая связь нашихъ разсужденій всегда легко покажетъ читателю, въ какомъ изъ двухъ указанныхъ смысловъ мы употребляемъ слово собственность.

Изучая времена до-историческія и историческія, можно безъ труда замѣтить, что собственность не всегда была такой, какой мы видимъ ее теперь. За долгій истекшій періодъ времени она эволюціонировала. „Право, въ силу котораго вещь принадлежитъ кому-либо", не есть право застывшее. Оно измѣнялось, а, слѣдовательно и будетъ измѣняться, ибо во вселенной, нѣтъ ничего незыблемаго, ничего законченнаго. Все и всегда находится въ постоянномъ процессѣ образованія. Эволюцію права собственности удалось прослѣдить до его современнаго состоянія шагъ за шагомъ, начиная съ его корней у животныхъ видовъ, продолжая до-историческимъ періодомъ, періодомъ древнимъ, средними вѣками и новѣйшимъ временемъ.

Происхожденіе собственности, самый первый ея зачатокъ коренится въ инстинктѣ самосохраненія, присущемъ каждому существу.

Всякая живая особь, — будь то растеніе, животное или человѣкъ,—стремится къ самосохраненію и къ росту и неизбѣжно должна присвоивать себѣ питательныя вещества, необходимыя для этого самосохраненія и этого роста. Страсть къ присвоенію есть проявленіе инстинкта самосохраненія. Слѣдовательно, эта страсть останется господствующей, ро-

ковой и непобѣдимой до тѣхъ поръ, пока особи будутъ обладать инстинктомъ самосохраненія, т. е., до тѣхъ поръ, пока они будутъ существовать.

У животныхъ — для ясности нашего изложенія мы принуждены различать животныхъ отъ людей, но само собой разумѣется, что этимъ мы отнюдь не предполагаемъ установить между ними какое-либо различіе по существу; различіе ихъ — это просто различіе по степени; люди — такія же животныя, какъ и всѣ другіе представители животнаго царства, — итакъ, у животныхъ инстинктъ присвоенія проявляется съ полной очевидностью. Всѣ они присвоиваютъ себѣ добычу. Этимъ они удовлетворяютъ своей потребности поддерживать свою жизнь. Собственность для нихъ—то, что они могутъ схватить и съѣсть. Это примѣнимо ко всѣмъ животнымъ, но есть среди нихъ и такія, для которыхъ собственность не ограничивается одной только добычей. Обладая болѣе развитымъ мозгомъ, они поняли, что, чѣмъ малочисленнѣе они на данной территоріи, тѣмъ легче имъ найти себѣ пропитаніе. Исходя изъ этого, они присвоиваютъ себѣ опредѣленную мѣстность для охоты и безпощадно устраняютъ съ нея всякаго соперника способнаго уменьшить ихъ долю жизненныхъ средствъ. Иногда этой мѣстностью для охоты владѣетъ отдѣльный индивидъ,— такой случай наблюдается напримѣръ, у тигровъ или львовъ. Но иногда ей владѣетъ группа индивидовъ, какъ, это бываетъ у птицъ, крупныхъ обезьянъ, слоновъ-дикихъ быковъ, лошадей и проч. Въ такомъ слу-

чаѣ собственникомъ мѣстности, предназначенной для охоты или для пастбища, является стадо, племя или семейство.

У многихъ животныхъ развитіе ихъ мозга дошло до того, что они имѣютъ постоянное жилище. Они обращаютъ въ свою собственность пещеры, естественныя убѣжища, а также роютъ норы или устраиваютъ шалаши, улья, гнѣзда. Смотря по образу жизни, который ведетъ животное, собственность на жилища бываетъ индивидуальной, семейной или общественной. Когда мозгъ животнаго достигаетъ еще большаго развитія, оно расширяетъ область своей собственности, ибо къ присвоенію мѣстности для охоты, жилища или добычи даннаго момента оно присоединяетъ еще присвоеніе пищевыхъ, хранилищъ запасовъ. Эта новая собственность, такъ же, какъ и предыдущія, бываетъ или индивидуальной, или общественной, такъ какъ семья представляетъ собой общественную совокупность индивидовъ. Все это зависитъ отъ образа жизни животнаго. Муравьи еще больше расширяютъ свое право собственности: они обращаютъ въ свое владѣніе настоящій рабочій скотъ, отъ котораго они питаются, или рабовъ, которыхъ они заставляютъ работать вмѣсто себя. Здѣсь не мѣсто разсматривать послѣдствія, вытекающія изъ такого факта для муравьиныхъ обществъ или для индивидовъ-муравьевъ, ибо это вынудило бы насъ сдѣлать слишкомъ большое отступленіе. Мы ограничимся только тѣмъ, что отмѣтимъ эту новую форму присвоенія. Не забудемъ, однако, что ни у муравьевъ, ни у пчелъ наблюда-

тель не находитъ уже индивидуальной собственности, кромѣ развѣ собственности на пищу, да и то въ тотъ самый моментъ когда она поглощается. Пищевые запасы, тля, являющаяся скотомъ, муравьи-рабы, жилище — все это находится во владѣніе общества и никого другого, кромѣ общества. Индивидуальной собственности нѣтъ ни у муравьевъ, ни у пчелъ. Повидимому, они не имѣютъ о ней представленія или уже утратили это представленіе.

У животныхъ-людей, на зарѣ человѣчества, въ то время, когда начинаетъ замѣчаться ихъ обособленіе отъ другихъ видовъ животныхъ, мы наблюдаемъ тотъ же инстинктъ присвоенія вещей, необходимыхъ для удовлетворенія той же потребности въ сохраненіи своей личности.

Въ третичный періодъ непосредственные предшественники человѣка и, затѣмъ,—тысячъ двѣсти лѣтъ тому назадъ,—въ началѣ четверичнаго періода люди вели обособленное существованіе. Ко времени спариванія самецъ сходился съ самкой и, затѣмъ, составлялъ съ этой самкой и ея дѣтенышами небольшую семейную группу. Они ютились въ пещерахъ, въ разсѣлинахъ скалъ, въ густыхъ кустарникахъ, на деревьяхъ. Они жили охотой, рыбной ловлей, сборомъ плодовъ, деревьевъ и травъ. Оружія у нихъ не было вовсе. Какъ и другія животныя, они пользовались для поддержанія своей жизни только своими органами, т. е. руками, ногами и зубами. Ихъ единственной собственностью была

ихъ добыча данной минуты, ихъ временное убѣжищѣ, мѣсто для ихъ охоты или сбора растеній. Дѣло шло лишь о собственности на съѣстные припасы, собственности земельной и собственности недвижимой. Живя отдѣльно или семейными группами, къ чему принуждало ихъ выращиваніе дѣтей, первобытные люди владѣли своей собственностью индивидуально или коллективно. Протекали вѣка и тысячелѣтія. Отдаваясь всеобщему стремленію умеиьшить затрачиваемыя усилія и всеобщему стремленію улучшить свое существованіе, человѣкъ измѣнялся. Его мозгъ создалъ оружіе и орудіе. Сначала это былъ простой кремень или вѣтки дерева, за которые человѣкъ брался во время охоты или рыбной ловли и послѣ бросалъ ихъ. Эта индивидуальная собственность по самому существу своему оказывалась кратковременной. Дальше появились топоръ, дротикъ, праща, лукъ и стрѣлы, крючокъ, лопата, мотыка, ножъ и другія орудія или оружіе—для охоты, рыбной ловли, выкапыванья корней, сбора плодовъ. Число находившихся во владѣніи вещей возрастало, и находившіяся во владѣніи вещи по существу отличались отъ тѣхъ, какими владѣли предшествующіе люди. Эти послѣдніе были собственниками только вещей, годныхъ въ пищу, вещей недвижимыхъ и земель; позднѣйшія поколѣнія стали, кромѣ того, постоянными собственниками вещей движимыхъ и могли,—если не происходило несчастнаго случая — долгое время пользоваться своей собственностью и сохранять ее. Собственность на эти орудія и оружіе была одновременно и индивидуальной,

и семейной. И теперь еще мы имѣемъ доказательства этой одновременности владѣнія въ нынѣшнихъ семьяхъ, гдѣ масса движимыхъ вещей являются заразъ собственностью индивидуальной и собственностью семейной. Между тѣмъ, въ предѣлахъ одной и той же семейной группы уровень благосостоянія былъ, при равныхъ или даже меньшихъ усиліяхъ, тѣмъ болѣе высокимъ, чѣмъ больше становилось число членовъ группы, располагавшихъ орудіями и оружіемъ. Изъ этого возрастанія движимой семейной собственности и родилось расширеніе сферы собственности личной, которая съ теченіемъ вѣковъ продолжала пріобрѣтать все большіе и большіе размѣры.

Въ своей борьбѣ съ многочисленными вліяніями внѣшней среды, стремящимися уничтожить человѣка, послѣдній наблюдаетъ и устанавливаетъ тотъ фактъ, что ассоціація благопріятсвуетъ его борьбѣ. Люди становятся общественными существами. Они объединяются сначала во временныя, а потомъ и въ постоянныя группы, болѣе широкія, заключающія въ себѣ по нѣскольку семейныхъ группъ. Ассоціація, при равномъ трудѣ, увеличиваетъ благосостояніе. Это вызываетъ, въ свою очередь, новые успѣхи человѣческаго мозга. Между тѣмъ, неудержимой вереницей бѣгутъ года. Появляется одежда, украшенія, предметы роскоши, сдѣланные изъ кости, перьевъ, кремня, даже цвѣтовъ. Эти предметы представлютъ движимую личную собственность. Они — продуктъ личнаго труда; при жизни ихъ носятъ и

пользуются ими; послѣ смерти они сопровождаютъ владѣльца въ могилу.

По мѣрѣ того, какъ возрастаетъ число предметовъ, присвоиваемыхъ человѣкомъ, развивается въ человѣчествѣ и страсть къ обладанію вещами. По прежнему здѣсь вліяетъ стремленіе увеличить свое благосостояніе. Но на ряду съ нимъ дѣйствуетъ и стремленіе къ наименьшей затратѣ усилій. На этой почвѣ у нѣкоторыхъ возникаетъ желаніе жить не работая. Свои силы физическія и интеллектуальныя эти люди направляютъ не на охоту или собираніе съѣстныхъ припасовъ, а на то, чтобы забрать продукты, добытые другими. Сильные прибѣгаютъ къ воровству или грабежу, и отсюда начинаютъ свою родословную войны и милитаризмъ. Менѣе сильные, но умные, выдумываютъ религію съ ея толпами служителей божества, которыхъ содержитъ запуганная масса. Паразитизмъ пустилъ корни. Съ теченіемъ времени онъ разовьется, ибо все существующее стремится сохранять себя и разростаться и качественно, и количественно. Изъ жажды обладанія, присоединяющейся къ желанію сократить свой трудъ или вовсе избавиться отъ него, рождается рабство. Человѣческія существа, мужщины, въ особенности женщины, — становятся собственностью другихъ людей. Самыхъ слабыхъ захватываютъ самые сильные и заставляютъ ихъ работать на себя. Рабы, подобно другимъ вещамъ, бываютъ предметомъ общественнаго или индивидуальнаго владѣнія.

Сообразно особенностямъ странъ свѣта, эволю-

ція человѣчества нѣсколько измѣняетъ свое теченіе Условія окружающей среды—почва и строеніе поверхности земли, система орошенія и климатъ—различны. Отсюда вытекаютъ различія продуктовъ, какими люди поддерживаютъ свое существованіе, и соотвѣтствующія различія, какъ труда, необходимаго для полученія этихъ продуктовъ, такъ и способа владѣнія ими. Въ одномъ мѣстѣ, благодаря условіямъ среды, напримѣръ, въ хорошо защищенныхъ и обильно орошенныхъ долинахъ, развивается земледѣліе со всѣми его послѣдствіями: осѣдлымъ образомъ жизни, улучшеніемъ орудій обработки и оружія для защиты, земельной собственностью индивидуальной или коллективной, собственностью, принадлежащей небольшимъ группамъ и т. п. Въ другихъ мѣстахъ земля покрыта мощнымъ лѣсомъ съ его тѣнистой чащей, гдѣ скрываются животныя, и опушкой, на которой живутъ люди. Люди эти занимаются охотой и войной. Они часто мѣняютъ свое мѣстожительство. Ихъ изобрѣтательность направлена на улучшеніе ловушекъ, и оружія для нападенія. Индивидуальная земельная собственность имъ неизвѣстна. Дальше мѣстность представляетъ собой высокую равнину, которую въ изобиліи покрываетъ трава, и на которой обитаютъ быстроногія животныя и люди, избравшіе себѣ пастушескій образъ жизни. У нихъ есть стада коровъ, барановъ, лошадей, верблюдовъ, которые они пасутъ сообща. Они питаются продуктами, получаемыми отъ этихъ животныхъ — молокомъ, сыромъ, мясомъ. По самому существу ихъ образа жизни и по необходимости

они—кочевники. Въ такихъ человѣческихъ группахъ всѣ усилія ума устремлены на то, чтобы улучшить разведеніе стадъ и способъ собиранія отъ нихъ продуктовъ, а также на то, чтобы быстротой своихъ перемѣщеній отражать посягательства грабителей еще успѣшнѣе, чѣмъ качествомъ своего оружія. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ условій, въ какія поставлены кочующіе пастухи, является наличность земельной и недвижимой коллективной собственности и отсутствіе собственности движимой. Еще дальше, мы встрѣчаемъ человѣка на берегу большой рѣки, на берегахъ широко раскинувшагося устья, на берегахъ озеръ. Здѣсь онъ питается продуктами своей рыбной ловли; и умъ его занятъ усовершенствованіемъ рыболовныхъ принадлежностей и организаціи отпора грабителямъ. Рыболовъ, такъ же, какъ и земледѣлецъ, постоянно живетъ на одномъ мѣстѣ. Его собственность, движимая и недвижимая, бываетъ коллективной или индивидуальной.

Въ эту эпоху,—мы все еще находимся въ предѣлахъ до-историческаго періода,—въ эту эпоху собственность земельная, недвижимая и движимая, находится и въ индивидуальномъ, и въ коллективномъ владѣніи. Эти двѣ формы собственности—индивидуальная и коллективная—существуютъ совмѣстно въ однѣхъ и тѣхъ же группахъ людей. Мы найдемъ сейчасъ, что и теперь еще въ нашихъ современныхъ обществахъ встрѣчаются тѣ же самыя формы собственности. При этомъ собственность коллек-

тивная—будетъ ли она семейной, племенной или родовой, т. е., принадлежитъ ли она семьѣ, племени или роду—оказывается болѣе важной, чѣмъ личная собственность, которая на дѣлѣ сводится къ немногимъ вещамъ, какъ-то: оружію, орудіямъ и украшеніямъ.

Съ теченіемъ времени собственность все болѣе и болѣе стремится къ тому, чтобы стать индивидуальной. Это справедливо не только для движимой собственности, но и для недвижимой и даже для земельной. Сначала у земледѣльческихъ народовъ земля все еще остается нераздѣльной, остается собственностью общины, но уже появляется стремленіе періодически разбивать ее на отдѣльные участки между семьями, этими клѣтками, образующими родъ или племя. Коллективная единица, владѣющая землей, сводится къ семьѣ вмѣсто того, чтобы оставаться родомъ, какъ это было прежде.

Но семьѣ принадлежитъ лишь право пользованія, роду же—право собственности. Мало по малу у семей является желаніе увеличить свою независимость и тѣмъ уменьшить власть надъ ними коллективной группы. Подъ вліяніемъ этой тенденціи, въ сущности представляющей собою всеобщее стремленіе улучшить свое я и ту обстановку, въ которой живетъ это я,—подъ вліяніемъ этой тенденціи родовая собственность постепенно сокращается въ пользу собственности индивида-семьи. Семья послѣдовательно пріобрѣтаетъ въ личную собственность ту землю, гдѣ находится ея постоянное жилище,

вятѣмъ землю, которую она завоевываетъ у природы, т. е. воздѣлываетъ въ первый разъ.

Успѣхи земледѣлія влекутъ за собой развитіе промышленности и торговли. Въ самомъ дѣлѣ, необходимымъ является имѣть орудія и обмѣнивать продукты. Все въ мірѣ зависитъ одно отъ другого и связано между собою. Нѣтъ такого незначительнаго явленія, которое не играло бы роли причины и не оказывало бы большаго или меньшаго дѣйствія на всеобщую совокупность всѣхъ причинъ, обусловливающихъ существованіе всѣхъ формъ матеріи—неорганическихъ, органическихъ и ортанизованныхъ. Развиваясь параллельно съ земледѣліемъ, промышленность и торговля увеличиваютъ число движимыхъ предметовъ, а тѣмъ самымъ число предметовъ, которые личность легко можетъ пріобрѣсти въ собственное владѣніе.

Солидарность все еще остается сильной среди людей одного рода, одной семьи. Къ ней обязываютъ потребности борьбы съ условіями среды, въ которой протекаетъ жизнь. Эти потребности, дѣйствуя на людей въ теченіе вѣковъ и сотенъ вѣковъ, развили въ человѣкѣ сильное чувство солидарности. Оно проявляется въ ассоціаціи, устраиваемой съ цѣлью обработки земли, пастьбы скота, съ цѣлью торговли и промышленности, даже ради охоты и рыбной ловли. Одинокій человѣкъ ничтоженъ передъ силами природы, передъ дикими звѣрями лѣсовъ. Усовершенствованіе искусственныхъ приспособленій и оружія относительно увеличило его си-

лу. Даже и одинокій онъ менѣе слабъ. Перевороты, междоусобные раздоры, возстанія принуждаютъ людей жить въ одиночествѣ или самое большее—вдвоемъ. А такъ какъ мозгъ человѣка достигъ уже ступени развитія высшей, сравнительно съ прежней ступенью, то онъ и въ одиночествѣ способенъ возсоздать тотъ уровень благосостоянія, какой раньше обезпечивала ему община. Потребность есть мать промышленности, и человѣкъ берется за улучшеніе оружія и инструментовъ. Онъ силой добываетъ себѣ женщинъ. Онѣ работаютъ на него, и тогда возникаетъ личная собственность на землю, на имущество движимое и недвижимое.

Нѣтъ сомнѣнія, что личная собственность на всѣ эти блага существовала въ ту же эпоху, какъ и собственности коллективная и частичная личная собственность. Въ природѣ вещей не заложено никакого точнаго, рѣзко очерченнаго раздѣленія. Всякаго рода классификаціи являются лишь продуктомъ человѣческаго разума. Указанныя формы владѣнія существовали совмѣстно, при чемъ форма коллективной собственности преобладала по широтѣ своего распространенія, являясь болѣе частымъ видомъ.

У всякаго существа. человѣческаго или иного, стремленіе къ подражанію въ высшей степени сильно, ибо, благодаря подражанію пріемамъ и дѣйствіямъ предшествующихъ поколѣній, поддерживается жизнь. Подраженіе—необходимый элементъ непрекращающагося развитія жизни. Этотъ фактъ

и выразили словами: примѣръ заразителенъ. Неудивительно, стало быть, что наиболѣе сильные изъ людей послѣдовали примѣру тѣхъ одиночекъ, которые сдѣлались личными собственниками имуществъ земельныхъ, движимыхъ и недвижимыхъ. Часть ихъ соединилась съ самыми ловкими, чтобы сдѣлать попытку—и часто успѣшную—пріобрѣсти господство надъ своими товарищами по роду или племени. Форма этого господства мѣняется. Она была республиканской, т. е., всѣ принимали участіе въ управленіи. Она становится аристократической или монархической, т. е., власть надъ племенемъ дѣлается принадлежностью нѣсколькихъ семействъ или одного семейства, даже одного человѣка.

Измѣненіе политической формы вліяетъ на форму собственности. Правящія семьи или монархъ присвоиваютъ себѣ земельныя и недвижимыя имущества, которыя были коллективной собственностью организованнаго на республиканскихъ началахъ рода. Въ интересахъ монарха—связать со своей участью участь сильныхъ семействъ, и онъ надѣляетъ ихъ участками общественныхъ земель. Тогда личная земельная собственность становится постоянной, она переходить отъ одного лица къ другому, но она обременена поборами семейными или общественными. Феодальный строй нарождается и упрачивается. Въ дѣйствительности въ этомъ строѣ собственникомъ земли является не столько отдѣльное лицо, сколько семья, представляемая ея главой. Такая форма собственности—сразу и семейная, и лич-

ная—стремится отстоять свое существованіе, но многочисленныя силы способствуютъ ея разрушенію. Среди нихъ значительной разлагающей силой является право наслѣдованія. Оно непрерывно направлено къ тому, чтобы раздробить имущества, раздѣляя ихъ между многими наслѣдниками, ибо семьи бываютъ многолюдны. Тогда возникаетъ борьба разнородныхъ тенденцій. Однѣ изъ нихъ поддерживаютъ неприкосновенность богатствъ, другія—влекутъ къ распыленію имущества. Быть собственникомъ большого количества земель—значитъ быть богатымъ; быть богатымъ значитъ быть могущественнымъ, значитъ управлять. Каждый жаждетъ и добивается этого. Переходъ наслѣдства къ первому въ родѣ былъ созданъ съ цѣлью обезпечить постоянство богатства, а тѣмъ самымъ и постоянство политической власти. Ибо надо замѣтить, что взаимная зависимость богатства и политической мощи чрезвычайно велика. Лишенные наслѣдства протестуютъ, возстаютъ въ разныхъ формахъ и съ тѣмъ большей энергіей и ловкостью, что раньше они вели болѣе богатую жизнь. Вѣковое богатство и вѣковое владычество заронили въ нихъ сѣмена возстанія и дали имъ умственное развитіе, которое у массъ было болѣе или менѣе ослаблено вѣковой нуждой. Младшіе члены могущественныхъ родовъ являются элементами броженія въ массахъ. Затѣмъ и среди могущественныхъ родовъ наиболѣе богатые и наиболѣе мощные стремятся къ еще большему богатству и еще большей мощи. Свою долю они могутъ увеличить только въ ущербъ долѣ другихъ,

менѣе сильныхъ, менѣе богатыхъ. Создаются олигархіи, далѣе создаются самодержавныя формы. Собственность становится все болѣе и болѣе личной, потому что общественныя тяготы мало по малу смягчаются, почти исчезаютъ. Какъ результатъ этого—у людей развивается идея, что собственнику принадлежитъ право употребленія и злоупотребленія собственностью. Онъ—ея абсолютный владыка. И по мѣрѣ того, какъ растетъ такое пониманіе собственности, понятіе о собственности коллективной постепенно сглаживается, пропадаетъ. Хотя фактически коллективная собственность существуетъ, но уже оказывается много людей, утрачивающихъ мало по малу это понятіе. Въ ихъ умахъ понятіе личной собственности, сопряженной съ правомъ употребленія и злоупотребленія всецѣло вытѣсняетъ понятіе собственности общественной. Они дойдутъ даже до того, что не въ состояніи будутъ постичь идею общественнаго владѣнія.

Право безусловно личной собственности на землю и недвижимость завоевываетъ себѣ признаніе среди небольшого числа владыкъ и параллельно съ этимъ то быстрѣе, то медленѣе, но безостановочно растутъ промышленность и торговля. Ростъ ихъ безпрерывно увеличиваетъ количество движимыхъ богатствъ. Между классомъ богатыхъ земельныхъ собственниковъ, знатью, и классомъ пролетаріата, рабовъ, крѣпостныхъ, выдвигается постепенно новый классъ, классъ ремесленниковъ и торговцевъ—буржуазія. Держа въ своихъ рукахъ торговлю и

промышленность, этотъ классъ замѣчаетъ, какъ послѣдовательно возрастаетъ его богатство—продуктъ его труда и труда пролетаріевъ.

Чѣмъ больше богатствъ имѣетъ буржуазія, тѣмъ больше новыхъ богатствъ можетъ она произвести, благодаря человѣческому разуму, который постоянно совершенствуетъ орудія промышленности и средства торговли. По образцу владѣній недвижимыми и земельными имуществами, обладаніе богатствами, создаваемыми буржуазіей, стремится стать все болѣе и болѣе личнымъ. Самая подвижность этихъ движимыхъ благъ является причиной той быстроты, съ какой всѣ они становятся личной собственностью. При переходѣ по наслѣдству, они раздѣляются и изъ рукъ своихъ собственниковъ попадаютъ въ новыя руки, образуя новые центры, вокругъ которыхъ создадутся новыя богатства. Для движимаго имущества вызываемое наслѣдованіемъ раздробленіе не представляетъ тѣхъ неудобствъ, какія оно влечетъ для земельной собственности. Оно не уменьшаетъ богатства отдѣльныхъ представителей буржуазіи, оно увеличиваетъ его, ибо вкладываетъ въ ихъ руки капиталъ—орудіе, которымъ они воспользуются для дальнѣйшаго производства богатствъ.

Такъ мало по-малу развиваются значительныя движимыя богатства, болѣе грандіозныя, чѣмъ богатства земельныя и, подобно имъ, представляющія личную собственность. Но она принадлежитъ среднему классу и юридически не даетъ своимъ владѣльцамъ ни-

какой политической власти. Фактически же этотъ классъ въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ обладаетъ политической властью, ибо власть всегда принадлежитъ тѣмъ, въ чьихъ рукахъ богатство. Однако, не участвуя въ политической власти по праву, буржуазія стремится принять въ ней участіе. Смотря по степени своихъ богатствъ и по условіямъ соціальной среды, она достигаетъ этого болѣе или менѣе быстро, болѣе или менѣе полно, иногда совершенно вытѣсняя правящую знать. Собственность стала личной, но она является таковой скорѣе фактически, чѣмъ по праву—особенно тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о движимыхъ имуществахъ, всегда подверженныхъ произволу сильныхъ, произволу класса знатныхъ, привыкшей жить или войной, т. е. грабежемъ, или налогами и поборами, которые платитъ имъ мирное населеніе (буржуа и пролетаріи) въ обмѣнъ за ихъ воинскія услуги. Въ интересахъ буржуазіи, слѣдовательно, закрѣпить въ правѣ то, что было лишь фактомъ. Отсюда, во время революціи 1789 года она вноситъ въ свою знаменитую „Декларацію правъ человѣка" такую статью: „Собственность есть право ненарушимое и священное, и никто не можетъ быть лишенъ ея, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда этого требуетъ законнымъ порядкомъ установленная общественная необходимость, и при условіи справедливаго и предварительнаго вознагражденія".

Право личной собственности было установлено, утверждено со всей полнотой, желательной для

того, чтобы сдѣлать изъ него право, неприкосновенное по видимости. Вскорѣ признаніе этого права перешло изъ области политики въ юридическую область, и гражданскій кодексъ Наполеона объявляетъ, что „собственность есть право пользоваться и располагать вещами вполнѣ и безусловно".

„Вполнѣ и безусловно" гласитъ кодексъ, но это не совсѣмъ точно, ибо право собственности подвергается многочисленнымъ ограниченіямъ въ общественныхъ интересахъ, т. е. въ интересахъ коллективнаго цѣлаго. Конечно текстъ кодекса укрѣпилъ въ умахъ людей идею неприкосновенности личной собственности, но онъ не достигъ того, чтобы эта неприкосновенность стала фактомъ. Какъ и въ предшествующія эпохи, собственникъ не пользовался абсолютнымъ правомъ надъ своею собственностью. Онъ былъ связанъ общественнымъ договоромъ, преслѣдующимъ дѣйствительные или мнимые интересы коллективной единицы. Въ одномъ мѣстѣ онъ не могъ по своей волѣ располагать своимъ имуществомъ послѣ смерти; повсюду общество сохраняло за собой право принудительнаго отчужденія, правда, сопряженнаго съ выкупомъ, но ограничивающаго распоряженіе собственностью.

Личная собственность въ смыслѣ французскаго кодекса стала правиломъ въ началѣ XIX столѣтія. Собственность общественная сохраняется для многихъ вещей, но для каждаго отдѣльнаго лица личное обладаніе имущественными благами на самомъ дѣлѣ является общимъ правиломъ на зарѣ той эпохи

которая отмѣчена столь пышнымъ расцвѣтомъ капитализма.

Та эволюція, которую мы въ общихъ чертахъ набросали передъ читателемъ, въ дѣйствительности не шла прямой дорогой. Скорѣе приходится говорить о рядѣ колебаній, о явленіяхъ прилива и отлива, причемъ собственности коллективная и индивидуальная то поднимаются, то опускаются, поочередно преобладая одна надъ другой, въ зависимости отъ условій среды. Однако, если прослѣдить эту длинную цѣпь вѣковъ—тысячъ вѣковъ—протекшихъ съ третичной эпохи до XIX столѣтія, то мы увидимъ, что собственность, исходнымъ пунктомъ которой было личное присвоеніе, дошла до общественнаго присвоенія, чтобы затѣмъ снова вернуться къ присвоенію личному.

Въ общемъ и цѣломъ, именно, картина этихъ колебаній развертывается передъ зрителемъ, который слѣдитъ за ходомъ исторіи человѣчества въ древности ассирійской, вавилонской, персидской, египетской, китайской, японской, греческой, римской, американской, въ исторіи среднихъ вѣковъ и новыхъ временъ во всѣхъ странахъ. Революціи, возстанія, реакція, подавленіе—все это только эпизоды этихъ колебаній права собственности, эволюціонирующаго отъ индивидуализма къ коллективизму и отъ коллективизма къ индивидуализму.

II. Собственность въ настоящемъ.

На зарѣ XIX столѣтіе направленіе эволюціи собственности, въ смыслѣ индивидуализаціи послѣдней, оказывается рѣзко очерченнымъ во всей Европѣ. Земельная себственность въ различныхъ странахъ все болѣе и болѣе мельчаетъ, въ зависимости отъ полнаго или частичнаго исчезновенія феодальной собственности. Земельная собственность является уже свободвой отъ тѣхъ преградъ, которыя стѣсняли ее, которыя мѣшали ея переходу въ другія руки путемъ продажи или дара. Она становится капиталомъ, легко поступающимъ въ обращеніе, легко обмѣнивающимся на другія стоимости. Но то обобществленіе собственности, какого въ XVIII столѣтіи, вслѣдъ за уничтоженіемъ собственности феодальной, ожидали многіе, отнюдь не происходитъ. Въ теченіе всего XIX столѣтія во Франціи, въ особенности, мы присутствуемъ при измельчаніи земельной собственности, съ одной стороны, и при образованіи крупныхъ земельныхъ имуществъ — съ другой. Нѣтъ замѣтнаго увеличенія числа земельныхъ собственниковъ по отношенію къ количеству населенія, но число мелкихъ участковъ значительно увеличивается, и это создаетъ иногда иллюзію значительнаго увеличенія числа земельныхъ собственниковъ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, которое способствовало такому движенію земельной собственности, являлось прежде всего чрезвычайное развитіе промыш-

ленности и торговли. Открытія, сдѣланныя человѣческимъ умомъ, усиливали это расширеніе. Такими открытіями оказались паровая машина, механическій ткацкій станокъ, пароходы и желѣзныя дороги, свѣтильный газъ, множество химическихъ продуктовъ, фабрикація стали и орудія машиннаго производства, явившіяся слѣдствіемъ этой фабрикаціи, динамомашины и все, что относится къ области электричества, какъ телеграфъ или телефоны, наконецъ, еще масса вещей, ускользающихъ у меня изъ памяти. Пароходныя линіи перерѣзали моря, міръ опоясали телеграфные проводы, всѣ страны покрылись желѣзными дорогами, горы были просверлены, перешейки обращены въ каналы. Въ области науки, промышленности и торговли—повсюду въ странахъ запада развивалась изумительная дѣятельность, распространявшаяся на дотолѣ неизвѣстныя страны, и пріобщавшая ихъ къ капиталистической цивилизаціи.

Вырастали безчисленныя богатства, потому что на міровой рынокъ фабрики все выбрасывали и выбрасывали продукты, которые находили себѣ сбытъ, обогащая производителей, т. е. обладателей капитала, принимавшаго участіе въ производствѣ.

Земля уже не является главнымъ источникомъ богатства,—имъ сдѣлались промышленность и торговля. Благодаря быстротѣ обращенія товара по каналамъ и желѣзнодорожнымъ путямъ, по морю и по все развивающимся дорогамъ, рынокъ пересталъ быть мѣстнымъ или областнымъ,—онъ сдѣлался на-

ціональнымъ, даже интернаціональнымъ. Это неизбѣжно измѣнило условія промышленности и торговли. Конкурренція, которая была личной, стремится стать общественной. И въ этой борьбѣ, ведущейся внутри промышленности и внутри торговли, ассоціація оказывается насущной потребностью. Слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ этого, является добровольное ограниченіе права личной собственности. Какъ неизбѣжный результатъ экономическихъ условій—среди промышленниковъ и торговцевъ возникаютъ сначала временныя, а затѣмъ и постоянныя соглашенія повысить цѣны и тѣмъ увеличить свою собственность. Съ другой стороны, тѣ же экономическія условія неизбѣжно приводятъ къ ассоціаціи и другой классъ, классъ лишенныхъ собственности,—классъ пролетаріевъ, рабочихъ промышленности и торговли. Въ своемъ развитіи промышленность естественно вызвала ростъ рабочей арміи. И эта рабочая армія обладаетъ то болѣе яснымъ, то болѣе смутнымъ сознаніемъ того, что члены ея—такіе-же люди, что они не отличаются отъ хозяевъ. Она чувствуетъ, что принадлежитъ къ другому классу, но не столь далеко стоящему отъ капиталистовъ, чтобы нельзя было перейти изъ одного класса въ другой. Она не считаетъ себя принадлежащей къ другой кастѣ. Она пытается осуществить свою цѣль — улучшеніе условій своего существованія. Она вступаетъ въ политическую жизнь при посредствѣ всеобщаго избирательнаго права, проведеннаго болѣе или менѣе полно; это право она пріобрѣла силой, подстрекаемая демократами по большей части

изъ класса буржуазіи. Отсюда слѣдуетъ извѣстная демократизація учрежденій. Съ одной стороны, надо угодить своимъ политическимъ кліентамъ, съ другой—избѣжать еще горшаго зла: возстаній, революцій съ ихъ постоянными спутниками—убійствомъ и разрушеніемъ собственности.

Распространяется образованіе, и большое число людей получаетъ умственное развитіе. Пролетаріатъ прогрессируетъ въ умственномъ отношеніи. Изобрѣтенія человѣческаго разума и расцвѣтъ промышленности сдѣлали болѣе обыденными тѣ вещи, которыя увеличиваютъ жизненное довольство. Вслѣдствіе этого, массы охватываетъ болѣе напряженное стремленіе къ обладанію этимъ довольствомъ. Когда хотятъ завладѣть какой-нибудь вещью, ищутъ средствъ для этого. Кто хочетъ вещи, тотъ хочетъ и средствъ, нужныхъ, чтобы имѣть ее. И среди промышленнаго и торговаго пролетаріата самые умные и самые дѣятельные начали искать эти средства. Движимые инстинктомъ ассоціаціи, заложеннымъ въ насъ нашимъ многовѣковымъ прошлымъ, они въ ассоціаціи увидѣли способъ завоевать то благосостояніе, какое считали возможнымъ. Замѣтимъ между прочимъ, что даже рабочія организаціи до-революціоннаго періода никогда не исчезали совершенно, не смотря на всѣ законы, которые противъ нихъ издавались. Въ дальнѣйшемъ народились синдикаты, и, такимъ образомъ, возстановилась рабочая организація, которую мечтала слоить революція 1789 года. Буржуазія хотѣла обра-

гить пролетаріатъ въ пролетарскую пыль, но эти пролетаріи-пылинки силой вещей сливались въ одно цѣлое и мало по малу создавали тѣ постоянныя (синдикаты) или временныя (стачки) организаціи, которымъ предстояло играть въ исторіи человѣчества все болѣе и болѣе важную экономическую и политическую роль.

Организація пролетаріата росла. Ассоціація въ значительныхъ размѣрахъ увеличивала его силы, дѣлала ихъ болъше простой суммы слагающихъ силъ. Тогда, опираясь на свою выросшую мощь, пролетаріатъ могъ не уступать притязаніямъ хозяевъ и бороться съ силами капиталистовъ, по внѣшности, въ разныхъ условіяхъ. Я говорю: „по внѣшности", ибо обладаніе собственностью является реальной основой могущества, и правительство со своими силами всегда становится на сторону капиталистовъ Оно дѣлаетъ это съ большей или меньшей откровенностью, въ зависимости отъ политическихъ интересовъ своихъ членовъ и въ зависимости отъ могущества пролетаріата, но оно дѣлаетъ это всегда

Борьба между рабочими и хозяевами всякій разъ кончается тѣмъ, что пролетаріатъ дѣлаетъ шагъ впередъ по пути къ улучшенію своего существованія и увеличенію своей силы. Порою кажется, что рабочіе терпятъ неудачу, что ихъ сила идетъ на убыль. Конечно, для многихъ пролетаріевъ изъ этого вытекаетъ не мало нищеты и страданій. Но это—случайности, важныя для индивида, но на дѣлѣ не имѣющія никакого значенія для обществен-

наго класса, въ рядахъ котораго данный индивидъ является простой клѣткой.

На почвѣ этой борьбы, этихъ столкновеній рождается рабочее законодательство, которое ограничиваетъ право собственности и улучшаетъ условія жизни рабочихъ. Общество все больше и больше вмѣшивается въ пользованіе правомъ собственности, принадлежащимъ отдѣльному лицу.

Научныя открытія слѣдуютъ другъ за другомъ безъ перерыва. Химія, біологія, физіологія, медицина и проч. — постоянно совершенствуются. Новая наука—гигіена нарождается и растетъ. Сначала классъ капиталистовъ и классъ пролетаріевъ проникаются необходимостью осуществить улучшенія, требуемыя гигіеной Ихъ интересъ обязываетъ ихъ къ этому. Начинаютъ понимать, что всѣ люди связаны между собой, независимо отъ того, хотятъ они этого или нѣтъ. Начинаютъ понимать, что эпидемія холеры въ какой-нибудь азіатской странѣ прямо и косвенно вліяетъ на санитарныя и экономическія условія, напримѣръ, Парижа. Начинаютъ понимать, что антисанитарная обстановка рабочихъ лачугъ въ бѣдныхъ кварталахъ Лондона вліяетъ на санитарныя условія дворцовъ капиталистовъ въ богатыхъ кварталахъ. Начинаютъ понимать, что плохія гигіеническія условія фабрикъ и мануфактуръ разрушительно дѣйствуютъ на здоровье тѣхъ, кто тамъ работаетъ, а отсюда вытекаютъ вредныя послѣдствія для капиталистовъ (уменьшеніе производительности труда при затратѣ того же количества вре-

мени, пониженіе качества продуктовъ и т. п.) и вредныя послѣдствія для всѣхъ людей вообще. Это—очевидно потому, что больной человѣкъ является центромъ, откуда идетъ распространеніе болѣзни; потому что слабые рождаютъ слабыхъ, представляющихъ собой вполнѣ подготовленную почву для всяческихъ эпидемій, для алколизма, для отравленія профессіональнаго или отравленія пищевыми продуктами. Все это становится болѣе или менѣе понятнымъ, и отсюда вырастаетъ санитарное законодательство промышленныхъ городовъ, уже и теперь довольно развитое и непрерывно стремящееся все къ большему развитію.

Между тѣмъ, это санитарное законодательство создаетъ ограниченія для права личной собственности. Мы все время присутствуемъ при все увеличивающемся вмѣшательствѣ общества въ право располагать собственностью.

Въ деревняхъ условія среды замедляли до сихъ поръ и еще продолжаютъ замедлять наступленіе того момента, когда и здѣсь осуществятся тѣ же явленія, какія уже совершились въ городскихъ и промышленныхъ центрахъ. Земледѣльческій пролетаріатъ не созналъ еще той силы, которая дала бы ему ассоціація. Многіе въ его рядахъ дошли до пониманія этого, но перевести свое пониманіе въ область фактовъ имъ не хватаетъ энергіи, ослабленной условіями среды, которая затрудняетъ этотъ переходъ отъ мысли къ дѣлу. Но уже можно замѣтить, какъ нарождается движеніе. Зародыши орга-

низаціи существуютъ; она совершенствуется и все больше будетъ совершенствоваться. Санитарныя постановленія относительно скота начинаютъ примѣняться. Синдикаты земледѣльческихъ рабочихъ появляются въ нѣкоторыхъ областяхъ; неурожаи порождаютъ синдикаты мелкихъ собственниковъ, появляющіеся въ мѣстностяхъ съ культурой винограда на югѣ и на западѣ. Принципъ ассоціаціи распространяется. Во многихъ мѣстахъ уже образуются кооперативы, позволяющіе мелкимъ земледѣльцамъ пользоваться выгодами крупнаго капиталистическаго хозяйства, даже дающіе имъ превосходство надъ послѣднимъ. И во всѣхъ этихъ явленіяхъ мы констатируемъ вмѣшательство общества въ право пользованія собственностью и ограниченіе этого права. Тенденція, рѣзко проявляющаяся въ этихъ различныхъ явленіяхъ, состоитъ въ суженіи права личной собственности путемъ закона или инымъ. Эволюція совершается въ направленіи, обратномъ тому, въ какомъ происходила она отъ среднихъ вѣковъ къ новой эпохѣ. Въ тотъ періодъ право собственности эволюціонировало отъ коллективизма къ индивидуализму; въ настоящее время оно эволюціонируетъ отъ индивидуализма къ коллективизму. Явленія современности такъ же, какъ и исторія прошлыхъ вѣковъ, показываютъ, что эволюція собственности идетъ путемъ колебаній.

Тенденція къ ограниченію права собственности, казалось бы стоитъ, въ противорѣчіи съ феминистскимъ движеніемъ и со все растущимъ освобожде-

ніемъ женщины. Въ самомъ дѣлѣ, собственность, принадлежащая женщинѣ, все болѣе и болѣе стремится стать собственностью личной, которая женщина, ея обладательница, могла бы свободно распоряжатся безъ вмѣшательства мужа. Но это только внѣшность, а въ дѣйствительности женщина-собственница лишь стремится занять такое же положеніе, какъ и собственникъ-мужчина. Полъ перестаетъ вліять на право собственности. И это явленіе не противорѣчитъ указанной нами тенденціи. Это просто распространеніе той же тенденціи и на женщинъ, которыя становятся собственницами на условіяхъ, равныхъ съ мужчиной.

Однимъ изъ самыхъ крупныхъ вліяній, дѣйствовавшихъ на промышленность и торговлю въ направленіи ихъ развитія и приданія имъ чрезвичайнаго расцвѣта, было созданіе акціонерныхъ обществъ. Правомъ собственности на одну и ту же вещь система акцій облекла сразу многихъ лицъ. Она раздѣлила собственность и сдѣлала ее болѣе подвижной, но въ то же время уменьшила власть собственника надъ его собственностью. Такъ, напримѣръ, владѣлецъ нѣсколькихъ желѣзнодорожныхъ акцій обладаетъ большей или меньшей долей локомотива, вагона и т. д. Но его власть надъ этими предметами почти равна нулю. Его право собственности до неузнаваемости ограничено столь же ограниченнымъ правомъ собственности его совладѣльцевъ. И въ этомъ мы снова констатируемъ то же самое явленіе ограниченія права личной собственности.

Другимъ слѣдствіемъ акціонерныхъ обществъ было образованіе трестовъ и картелей, т. е., короче говря, постоянныхъ соглашеній между однородными торговыми и промышленными обществами, въ цѣляхъ увеличить прибыли каждаго изъ участниковъ соглашенія. Такое соглашеніе проводится или добровольно, если каждый вступающій видитъ въ этомъ свою выгоду, или насильственно,—въ томъ случаѣ, когда самое сильное общество въ той или иной формѣ принуждаетъ слиться съ нимъ болѣе слабыхъ соперниковъ. Во всѣхъ случаяхъ трестовъ результаты бываютъ двоякаго рода: съ одной стороны большія сбереженія на эксплоатаціи предпріятія, какъ съ технической, такъ и съ административ-ной точки зрѣнія (уничтоженіе расходовъ на рекламу, на коммивояжеровъ и проч., и проч.); съ другой стороны, обладаніе фактически настоящей монополіей, позволяющее продавать по высокой цѣнѣ и получать громадные барыши. Ради увеличенія своей собственности, человѣкъ добровольно сокращаетъ объемъ своего личнаго права собственности.

Эта тенденція къ сокращенію права личной собственности является всеобщей, такъ же точно, какъ всеобща тенденція къ возрастанію собственности общественной.

На ряду съ стремленіемъ общественной собственности къ расширенію, собственность индивидуальная въ извѣстныхъ предѣлахъ стремится къ концентраціи. Эта концентрація богатствъ ярко замѣтна

въ промышленности и торговлѣ, но она существуетъ и въ сферѣ недвижимой собственности. Изъ этого не слѣдуетъ дѣлать выводъ, который одно время сдѣлали соціалисты-марксисты,—выводъ, будто число собственниковъ уменьшается. Наоборотъ, это число увеличивается, но богатства наиболѣе богатыхъ увеличиваются еще быстрѣе,—вотъ и все. Это явленіе вытекаетъ изъ уже отмѣченнаго нами чрезвычайнаго размаха, пріобрѣтеннаго производствомъ. Число лицъ среднихъ классовъ и число пролетаріевъ, лучше обезпеченныхъ своимъ трудомъ, возрастаетъ, но возрастаетъ также и богатство магнатовъ капитализма, промышленности, торговли и финансовъ. Благодаря колоссальному росту мірового производства, вызванному распространеніемъ машинъ и концентраціей предпріятій, все рѣзче и рѣзче обозначается разслоеніе между крупными, средними и мелкими собственниками. Въ наше время между условіями жизни какого нибудь Ротшильда или Рокфеллера—съ одной стороны, и условіями жизни земледѣльческаго или фабричнаго рабочаго,—съ другой, быть можетъ, имѣется большая разница, чѣмъ разница, существовавшая нѣсколько сотенъ вѣковъ назадъ между тогдашнимъ богачемъ и бѣднякомъ.

Концентрація предпріятій наблюдается не во всѣхъ отрасляхъ промышленности, и жизненность предпріятій мелкихъ оказывается значительной въ массѣ производствъ. Крупная промышленность и крупная торговля растутъ безпрерывно, но они не погло-

щаютъ среднюю и мелкую промышленность или торговлю. Крупныя предпріятія развиваются на ряду съ предпріятіями другого вида, и послѣднія, въ свою очередь, идутъ впередъ. Въ общемъ, богатства —движимыя и недвижимыя—увеличиваются и безостановочно обогощаютъ существующихъ собственниковъ, тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ ранѣе были богаче эти послѣдніе. Въ тоже время и подъ вліяніемъ того же роста богатствъ, становятся собственниками лица, прежде не имѣвшія собственности.

Что касается сельскаго хозяйства, то здѣсь крупная и средняя собственность проявляютъ скорѣе тенденцію къ раздѣленію, между тѣмъ какъ мелкая собственность возрастаетъ. Нѣсомнѣнно, что земельная собственность раздробляется. Но слѣдуетъ ли изъ этого, что каждая парцелла (каждый мелкій участокъ) имѣетъ особаго собственника? Очевидно, нѣтъ. Вѣдь, нѣсомнѣнно, что число торговыхъ и промышленныхъ предпріятій принявшихъ форму акціонерныхъ обществъ, увеличивается, но значитъ ли это, что всѣ акціи имѣютъ различныхъ собственниковъ, и, такимъ образомъ, съ ихъ помощью богатство раздѣляется до безконечности? Разумѣется, нѣтъ.

Въ дѣйствительности, очень трудно съ увѣренностью судить объ этомъ движеніи концентраціи и раздѣленія богатствъ земельныхъ, движимыхъ и недвижимыхъ. Если смотрѣть на собственность съ точки зрѣнія ея распредѣленія, то мы можемъ сказать только, что существуетъ крупная, средняя и

мелкая собственность, но нельзя точно и достовѣрно знать, каковы отношенія, устанавливающіяся между этими тремя видами собственности.

Въ наше время коллективная собственность на землю является гораздо болѣе частой и болѣе важной, чѣмъ это обыкновенно думаютъ. Множество вещей находятся въ общественномъ владѣніи, но на это не обращаютъ вниманія, не задумываются надъ тѣмъ, что данныя вещи составляютъ общественную собственность. Таковы—пути сообщенія, дороги, каналы, рѣки и водные потоки, берегъ моря и самое море, озера, лѣса. Въ средніе вѣка, напримѣръ, дороги и пути, рѣки, водные потоки, мосты, берега моря, озера и лѣса были всегда личной собственностью. Нужно было заплатить извѣстный сборъ, чтобы ѣхать по дорогѣ, пройти черезъ мостъ, плыть по рѣкѣ. Развитіе торговли заставило уничтожить эти сборы, ибо для торговли нужна была свобода передвиженія Въ результатѣ то, что раньше было личной собственностью, превращалось въ общественную. Каждый изъ насъ самъ присутствуетъ при такомъ переходѣ собственности, ибо всѣ мы знаемъ дороги, которыя были частными и сдѣлались общественными, мосты со сборомъ, ставшіе мостами безъ сбора. Эта коллективная собственность—громадна. Большинство людей такъ мало имѣютъ о ней понятія, что многіе изъ нихъ испускаютъ крикъ ужаса, при мысли, объ общественной ..твенности: она представляется имъ новой, неслыхой, ужасной вещью. Между тѣмъ, они живутъ такой собственности.

Развѣ не являются общественной собственностью: библіотеки, національныя или городскія, собранія сокровищъ искусства, музеи, національные, даже королевскіе дворцы, военныя суда, морскіе арсеналы, оружейныя мастерскія, школы высшія, среднія и начальныя или больницы и благотворительныя учрежденіи, со всѣми ихъ принадлежностями, въ видѣ движимости, недвижимости и земли? Я много забываю въ этомъ перечнѣ, и я говорю лишь о такихъ вещахъ, которыя находятся во владѣніи государства или общественнаго самоуправленія многіе годы, даже столѣтія. Ко всему этому люди такъ привыкли, что они не замѣчаютъ уже общественнаго характера собственности на эти вещи. Но, кромѣ того, развѣ все, чѣмъ владѣютъ академіи и ученыя, артистическія и литературныя общества или частныя общества—благотворительныя, взаимопощи и проч., развѣ все это не представляетъ коллективной собственности?

Далѣе, не оказываются ли, напримѣръ, во Франціи нѣдра земли національной собственностью, разработку которой правительство можетъ уступать и не уступать? По правдѣ сказать, я не знаю даже, не превышаетъ ли въ настоящій моментъ количество всѣхъ богатствъ, находящихся въ общественномъ владѣніи, количества богатствъ, которыя составляютъ индивидуальную собственность. Но какъ бы тамъ ни было, общественная собственность далека, еще очень далека отъ того, чтобы быть исключительной формой владѣнія въ современныхъ обще-

ствахъ. Общественная собственность стремится къ возрастанію. Безпрерывно и все въ большихъ и большихъ размѣрахъ вмѣшивается общество, съ цѣлью ограничить ихъ индивидуальную собственность, лишь только [illegible]лата увѣ[illegible]ный интересъ съ большей или меньшей силой требуетъ этого. Такъ, личная собственность подверглась ограниченіямъ: съ отмѣной рабства негровъ, съ отмѣной крѣпостного права въ Россіи, съ уничтоженіемъ свободной продажи алкоголя въ Новой Зеландіи, съ сокращеніемъ этой продажи въ Англіи и строгой регламентаціей ея въ Скандинавіи, съ воспрещеніемъ фабрикаціи и ввоза абсента въ Бельгіи и Швейцаріи. Общественный интересъ требовалъ суженія права личной собственности,—и это суженіе было осуществлено.

Общественная собственность неуклонно стремится захватить болѣе широкую область. Желѣзныя дороги въ многихъ странахъ. Въ Германіи рудники разработываются государствомъ. Табакъ составляетъ государственную монополію во Франціи, въ Италіи, въ Японіи, и Австріи, и въ скоромъ времени то же будетъ въ Австраліи. Продажа алкоголя—монополія правительства въ Россіи. Почта, телеграфъ и телефонъ почти повсюду являются монополіей государства. Въ Австраліи во многихъ городахъ трамваи—собственность, государства. Во Франціи и въ Австраліи государство строитъ суда. Спички—государственная монополія во Франціи.

Вы видите, что государственная собственность уже широко распространена; она стремится къ

дальнѣйшему расширенію — особенно, въ Австразіи (Австралія и Новая Зеландія). Тамъ государство взяло на себя вывозъ сельскохозяйственныхъ продуктовъ и достигло прекрасныхъ результатовъ въ коммерческомъ отношеніи. Николы замѣтить, что, организуя вывозъ, оно извлекаетъ деньги и способствуетъ наживѣ производителей яицъ, молока, птицы и масла. Въ Южной Австраліи государство сдѣлалось даже фабрикантомъ масла. Оно создало сельскохозяйственныя заведенія, которыя служатъ образцомъ для частныхъ предпринимателей и въ то же время составляютъ предметъ промышленной эксплуатаціи, т. е., эксплуатаціи въ интересахъ государства. Въ разсматриваемой части свѣта тенденція въ сторону общественной собственности такъ развита, что въ Новой Зеландіи земля мало по-малу обращается въ національную собственнось, путемъ послѣдовательнаго отчужденія, а въ Южной Австраліи государство то и дѣло покупаетъ земли, чтобы затѣмъ сдавать ихъ въ аренду земледѣльцамъ, съ правомъ надзора за способами обработки. Австралійское государство изготовляетъ локомотивы и побѣдоносно конкуррируетъ съ частной промышленностью. Австразійцы такъ хорошо чувствуютъ себя среди этого обобществленія собственности, что у нихъ готовятся издать законы, дѣлающіе производство сахара, табака, и организацію морскихъ сообщеній съ Европой — монопольнымъ предпріятіемъ государства, эксплуатируемыхъ государственными органами. Въ этихъ странахъ общество не ограничивается тѣмъ, что расширяетъ предѣлы сво-

ей собственности, оно, кромѣ того, каждую минуту вмѣшивается, чтобы ограничить, въ общественныхъ интересахъ, право личной собственности. Такъ, для нѣкоторыхъ отраслей промышленности заработная плата устанавливается судомъ; продолжительность рабочаго дня, гигіеническія условія на фабрикахъ и проч. подвержены строгой регламентаціи.

Если отъ общественной собственности,—государственной или національной,—мы перейдемъ къ общественной собственности коммунальной или городской, то мы увидимъ, что и эта послѣдняя пріобрѣла значительные размѣры и неуклонно стремится разрастись еще больше и вытѣснить личную собственность. Такъ, во многихъ городахъ Шотландіи, Англіи и Австраліи, въ Вѣнѣ, въ Австріи и въ другихъ мѣстахъ—трамваи составляютъ собственность общинъ и городовъ и эксплуатируются ими. То же наблюдается въ области снабженія газомъ и электричествомъ—въ Шотландіи, Англіи, Австраліи. Въ тѣхъ же странахъ, а равно и во Франціи и въ другихъ—множество городовъ не только становятся собственниками, но еще извлекаютъ выгоды, проводя воду и снабжая ею жителей. Въ Вѣнѣ городское управленіе даже взяло на себя погребеніе мертвыхъ, и устроило городской пивоваренный заводъ. Во Франціи кладбища повсюду составляютъ собственность общинъ. Въ большей или меньшей мѣрѣ въ городахъ всѣхъ странъ существуютъ парки, лѣса, общественные сады, памятники, дома, явля-

ющіеся государственной или общинной собственностью. Во множествѣ городовъ во всѣхъ частяхъ свѣта бойни, рынки, магазины, биржи, церкви, театры и масса другихъ вещей, ускользающихъ у меня сейчасъ изъ памяти, представляютъ коммунальную собственность. Нѣкоторые города въ Шотландіи, Англіи Австралазіи и Германіи предприняли постройку здоровыхъ рабочихъ жилищъ и, на правахъ собственниковъ, сдаютъ въ наймы эти жилища.

Право личной собственности, которое обычно воображаютъ себѣ неприкосновеннымъ, стоящимъ выше всякаго спора, въ дѣйствительности представляетъ собой только фикцію: до такой степени подвержено оно исключеніямъ. Право это обладаетъ столь малой реальностью, что когда возникаетъ споръ о собственности въ судахъ, то послѣдніе своей властью превращаютъ собственность на вещи въ право на полученіе выкупа. И они дѣлаютъ это безо всякихъ основаній, просто творя свою волю выразителей общественныхъ стремленій, при чемъ собственникъ лишенъ возможности добиться отмѣны судебнаго рѣшенія. Каждому изъ насъ достаточно обратиться къ своимъ воспоминаніямъ, чтобы найти подобнаго рода примѣры.

Право употребленія—я уже не говорю о правѣ злоупотребленія—право употребленія собственности опутано столькими узами, что въ дѣйствительности оно не существуетъ. Напримѣръ, на собственника памятниковъ, считающихся историческими, возложены опредѣленныя обязательства, и онъ не рас-

полагаетъ свободно своей собственностью. Напримѣръ, собственникъ морского берега обязанъ оставлять дорогу для прохода таможенной стражи. Напримѣръ, многіе художники и другія лица требуютъ во Франціи изданія закона, который бы для извѣстныхъ сельскихъ, лѣсныхъ, морскихъ мѣстечекъ сдѣлалъ бы то же, что уже установлено закономъ для историческихъ памятниковъ, т. е., другими словами, обезпечиваютъ сохраненіе собственности, независимо отъ того, хочетъ этого собственникъ или нѣтъ. И мало ли такихъ примѣровъ? Неприкосновенное право личной собственности — это внѣшность, призракъ, и достаточно поближе вглядѣться въ него, чтобы видѣть, какъ расплывается и исчезаетъ оно, — подобно утреннему туману, расплывающемуся и исчезающему подъ порывами вѣтра.

III. Собственность въ будущемъ.

Въ бѣгло набросанной картинѣ мы видимъ, что представляла собой собственность въ прошломъ, и что представляетъ она въ настоящее время. Можемъ ли съ извѣстной степенью приближенія предвидѣть, чѣмъ станетъ собственность въ будущемъ? Очевидно, да.

Современныя намъ соціальныя формы зависятъ отъ соціальныхъ формъ вчерашняго дня, которыя въ свою очередь зависѣли отъ соціальныхъ формъ болѣе отдаленной эпохи, и т. д. Пробѣгая въ обратномъ порядкѣ ходъ исторіи, мы всюду встрѣчаемъ ту же зависимость. Общество отнюдь не рождается внезапно. Оно медленно и послѣдовательно развивается изъ предшествующимъ соціальныхъ формъ. Когда одна соціальная форма смѣняетъ другую, то она существуетъ въ зародышѣ въ нѣдрахъ предшествующаго общества. Внимательный наблюдатель умѣетъ видѣть эти зародыши, которые растутъ и станутъ, въ свою очередь, современемъ мощными соціальными формами, также обреченными въ свое время погибнуть и очистить мѣсто инымъ формамъ. Процессъ этотъ совершается постоянно. Собственность въ томъ видѣ, какъ она будетъ существовать завтра—подъ „завтра" я разумѣю время, которое наступитъ черезъ четверть—полвѣка, можетъ быть, вѣкъ, но не то, что будетъ черезъ семь, восемь или десять вѣковъ,—собственность въ томъ видѣ, какъ она бу-

детъ существовать завтра, не можетъ явиться внезапно созданной формой. Она можетъ быть только такой формой, существованіе которой, болѣе или менѣе зародышевое, мы констатируемъ уже сейчасъ. Форма собственности, какъ и всякая соціальная форма, имѣетъ свои корни въ глубокой дали прошлыхъ вѣковъ. Частью, даже значительной частью, мертвецы управляютъ живыми, мертвецы предписываютъ живымъ свою волю.

Слѣдовательно, въ обществѣ будущаго, какъ и въ современномъ обществѣ мы найдемъ собственность индивидуальную и собственность коллективную. Нѣтъ сомнѣнія, что тогда коллективная собственность будетъ правиломъ для собственности недвижимой и движимой. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы видѣли, представляется ясно установленнымъ, что обобществленіе собственности есть общая тенденція, которую мы констатируемъ въ наши дни на фактахъ. Эта тенденція будетъ становиться все ярче, ибо все, что только существуетъ, стремится расти, дѣлаться сильнѣе, и въ дѣйствительности все существующее растетъ и крѣпнетъ, если только оно не встрѣчаетъ на своей дорогѣ элементовъ разложенія и смерти. Такихъ элементовъ мы не можемъ обнаружить сейчасъ, анализируя современныя соціальныя явленія съ точки зрѣнія собственности. Съ величайшей вѣроятностью, мы можемъ утверждать, что обобществленіе собственности будетъ расти послѣдовательно и безконечно.

Какимъ путемъ должно происходить это обобществленіе? Нѣтъ сомнѣнія, что формы его будутъ разниться, въ зависимости отъ природы обобществляемыхъ благъ, а также и отъ умственныхъ теченій, раздѣляемыхъ большинствомъ людей данной области. Вслѣдствіе различія умовъ, характеровъ и условій среды, полное единство и однообразіе не наблюдается никогда. Въ настоящее время мы видимъ, что обобществленіе собственности совершается въ трехъ формахъ: собственность государственная или національная, городская или коммунальная и кооперативная. Является вѣроятнымъ, слѣдовательно, что въ обществѣ будущаго мы встрѣтимъ эти три формы коллективной собственности.

Само собой понятно, что въ зависимости отъ настроенія умовъ и отъ условій среды, люди будутъ бороться за преобладаніе той или другой изъ этихъ формъ. Отсюда, трудно было бы предвидѣть, которая изъ нихъ окажется преобладающей. Съ увѣренностью мы можемъ сказать только одно: эти три формы будутъ существовать совмѣстно.

Во всякомъ случаѣ, однако, представляется вѣроятнымъ, что нѣкоторыя вещи неизбѣжно будутъ собственностью государственной или національной. Къ этой категоріи относятся: желѣзныя дороги, рудники, лѣса, озера, каналы, большія дороги, флотъ, почта, телеграфъ, телефонъ, быть можетъ, также отрасли производства, составляющія въ на-

ше время монополію государства (напримѣръ, табакъ, спички) или монополію отдѣльныхъ личностей, какъ сталь и керосинъ—въ Америкѣ, и сахарь—во всѣхъ странахъ. Весьма возможно, что въ государствахъ Австралазіи обобществленная промышленность сдѣлается преимущественно національной. Безъ сомнѣнія, то же явленіе произойдетъ и въ Сѣверной Америкѣ, гдѣ промышленность монополизирована трестами. Можетъ случиться, что крупная металлургическая промышленность и промышленность ткацкая и прядильная перейдутъ повсюду въ собственность государства; такъ же возможно и то, что въ извѣстныхъ областяхъ эти производства пойдутъ инымъ путемъ—по направленію къ кооперативной формѣ собственности, о которой рѣчь будетъ ниже.

Какъ вы знаете, политическія формы непрерывно эволюціонируютъ и въ своей эволюціи слѣдуютъ за эволюціей экономическихъ формъ,—онѣ тѣсно связаны съ послѣдними. Можно думать, поэтому, что нація,—будетъ слагаться изъ областныхъ федерацій. (Зародыши такой формы мы имѣемъ сейчасъ въ лицѣ Брестонской соціалистической конфедераціи и въ лицѣ Брестонской федераціи союзовъ учителей, которая организуется въ настоящее время). Слѣдовательно, вѣроятнымъ является, что въ нѣкоторыхъ странахъ нѣкоторыя вещи будутъ областной собственностью, подобно теперешнимъ большимъ дорогамъ, составляющимъ собственность департаментовъ. Въ такомъ случаѣ, группа вла-

дѣльцевъ обобществленной собственности будетъ менѣе значительной по своей численности — вотъ и все.

Подобно тому, какъ извѣстныя вещи неизбѣжно станутъ національной или областной собственностью, другія, напротивъ, поступятъ въ собственность коммунъ. Сюда принадлежатъ: дороги, проходящія по территоріи коммуны, сходныя съ сельскими дорогами нашихъ дней; организація газоваго и электрическаго освѣщенія, средствъ передвиженія въ городахъ, телефоны и проч. Дома, которые теперь, особенно. въ крупныхъ городахъ, все больше и больше стремятся стать общественной собственностью (напримѣръ, собственностью страховыхъ обществъ),—дома по необходимости сдѣлаются собственностію коммуны. Въ зачаточномъ видѣ эта форма собственности существуетъ уже и въ наши дни, ибо есть города, получившіе дома по наслѣдству. И эта коммунальная собственность на жилища легко позволитъ дать болѣе широкое распространеніе тому, что называютъ теперь въ домахъ „новѣйшими удобствами“, т. е., снабженію водой, свѣтомъ и топливомъ изъ городскихъ предпріятій. Что касается земледѣльческихъ коммунъ, гдѣ собственность въ настоящее время служитъ для образованія громадныхъ предпріятій въ рукахъ одного владѣльца, то тамъ, вѣроятно, собственницей этихъ крупныхъ предпріятій станетъ коммуна, особенно, если рѣчь идетъ о разведеніи скота, луговомъ хозяйствѣ или способахъ обра-

ботки, не требующихъ большого количества рабочихъ рукъ.

Перейдемъ къ средней и мелкой собственности. Въ современныхъ производительныхъ кооперативахъ я вижу зародышъ той формы, какую въ этой отрасли производства приметъ собственность въ будущемъ обществѣ. Кооперативъ оказываетъ на участвующихъ въ немъ великолѣпное дѣйствіе. Это—настоящая школа управленія. Кромѣ того, кооперативъ порождаетъ у своихъ членовъ въ высшей степени ясное сознаніе того, что, работая для себя, каждый членъ работаетъ въ то же время и для другихъ, т. е., что онъ связанъ узами солидарности со всѣми другими товарищами, и его личные интересы являются и ихъ интересами. Далѣе, кооперативъ доказываетъ, что люди—равны, не смотря на различіе исполняемыхъ ими обязанностей. (Въ Парижѣ есть кооперативъ типографщиковъ, въ которомъ всѣ рабочіе, администраторы и проч.—получаютъ одинаковую заработную плату). Синдикаты, въ свою очередь, усиливаютъ чувство личнаго достоинства рабочаго, развиваютъ въ немъ духъ единенія и показываютъ ему солидарность его интересовъ, во-первыхъ, съ интересами всѣхъ участниковъ сандиката, затѣмъ—всѣхъ рабочихъ даннаго ремесла, и наконецъ—всѣхъ рабочихъ, независимо отъ ремесла. Существуютъ уже производительные кооперативы (стеклянные, сапожные, булочные и т. п.), гдѣ участниками-собственниками являются сами рабочіе, начавшіе

дѣло на свой собственный капиталъ или на капиталъ, данный имъ богачами въ какихъ-либо личныхъ цѣляхъ. Въ послѣднемъ случаѣ происходитъ простое возвращеніе пролетаріату ничтожной доли того, что взято богачами у другихъ пролетаріевъ, потому что по выраженію Бернарда Шоу, капиталистъ живетъ, обирая бѣдныхъ, и это отличаетъ его отъ простого вора, который живетъ, обирая богатыхъ. Словомъ, естественно предположить, что общими собственниками такихъ производительныхъ кооперативовъ будутъ рабочіе соотвѣтствующей профессіи, объединившіеся въ синдикатъ. Вся мелкая и средняя собственность можетъ быть преобразована такимъ путемъ въ кооперативныя предпріятія въ коммунахъ и городахъ. Точно такъ же, какъ тресты объединяютъ теперь фактически промышленныя предпріятія, разсѣянныя въ различныхъ областяхъ и даже среди различныхъ націй, — точно такъ же подобные синдикаты смогутъ объединить въ областныхъ, національныхъ или международныхъ рамкахъ для эксплуатаціи различныхъ производствъ, обращенныхъ такимъ образомъ въ общественную собственность.

Торговля неизбѣжно подвергнется такому же преобразованію. Быть можетъ, мы вправѣ сказать даже, что обобществленіе торговли идетъ впереди обобществленія промышленности, ибо потребительныя товарищества распространены шире, чѣмъ производительныя. Но въ нихъ коллективная собственность уже относится къ иному порядку, чѣмъ

собственность въ кооперативахъ производительныхъ. Въ послѣднихъ границы общей собственности намѣчаются рамками профессіи. Для кооперативовъ же потребительныхъ эти границы опредѣляются размѣрами коммуны или квартала. Другими словами, разграниченіе основывается здѣсь на территоріальной единицѣ. Совокупность гражданъ, живущихъ въ данной мѣстности, устраиваетъ кооперативъ и становится его собственницей. Въ наши дни тресты стремятся устранить посредника между производителемъ и потребителемъ. Въ обществѣ будущаго потребительные кооперативы станутъ правиломъ и существованіе посредниковъ утратитъ тогда всякій смыслъ. Кооперативы объединятся между собой, вступятъ въ союзы коммунальные, областные, національные, международные. Зачатки такого объединенія мы находимъ уже и теперь въ нѣкоторыхъ англійскихъ и французскихъ —особенно соціалистическихъ — кооперативахъ и въ „Международномъ союзѣ кооперативовъ". Если бы французскіе центры кооперативнаго объединенія слились въ единый и мощный организмъ, а, затѣмъ, образовали союзъ съ подобными же организмами другихъ націй, то получилась бы такая могучая сила, что многія отрасли промышленности неизбѣжно перешли бы въ завѣдываніе кооперативовъ. Глядя на то, что происходитъ теперь, можно предвидѣть, какъ немного потребуется времени для осуществленія этого. Тогда многія производства, въ родѣ производства риса, сахара, бакалейныхъ продуктовъ, какао и шеколада, свѣчей

и мыла, консервовъ и пр., черезъ сравнительно короткое время сдѣлались бы настоящей монополіей въ рукахъ кооперативовъ, объединенныхъ національно и интернаціонально. Ростъ кооперативовъ можетъ привести къ тому результату, что въ будущемъ обществѣ общественная собственная въ одной части крупной промышленности будетъ не государственной, а кооперативной.

Итакъ, собственность движимая и недвижимая—если она пойдетъ путемъ своей т е п е р е ш н е й эволюціи,—окажется завтра въ общественномъ владѣніи. Что же касается собственности земельной, то, безъ всякаго сомнѣнія, такъ называемая, „крупная собственность", т. е., крупныя сельскохозяйственныя предпріятія также перейдутъ въ общественное обладаніе, подобну тому, какъ уже и сейчасъ значительная площадь лѣсовъ составляетъ собственность государства, и множество пастбищъ—собственность коммунъ. Но кто явится коллективнымъ собственникомъ—вся нація, область или коммуна? т. е. вся совокупность гражданъ данной націи, данной области или общины? Или, быть можетъ, такими собственниками явятся сельскохозяйственныя товарищества. Отвѣтить заранѣе на эти вопросы чрезвычайно трудно. Мы думаемъ, что скорѣе всего всѣ эти четыре вида коллективной земельной собственности будутъ существовать на ряду другъ съ другомъ, сообразно характеру эксплуатаціи крупныхъ сельскохозяйственныхъ

предпріятій. Можно предвидѣть, что образуются сельскохозяйственныя товарищества съ цѣлью обрабатывать землю сообща. И въ самомъ дѣлѣ, они уже образовываются. Въ Даніи, въ Швеціи, въ Голландіи, въ Бельгіи, а также въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи организовались значительныя группы земледѣльцевъ, которые создали кооперативы для производства масла, молока, яицъ, пшеницы и овощей. Эти кооперативы ведутъ уже побѣдоносную борьбу съ крупными капиталистическими предпріятіями и побиваютъ ихъ, получая при этомъ большую прибыль.

Если разобраться въ томъ явленіи, какое представляютъ собою крупные сельскохозяйственные кооперативы, то легко видѣть, что, въ концѣ концовъ, часть этой кооперативной эксплоатаціи предпріятій является въ сущности эксплуатаціей индивидуальной. Кооперативъ собираетъ молоко и превращаетъ его въ масло. Здѣсь мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ кооперативнымъ производствомъ. Остальная часть кооперативной работы относится къ чисто торговой области. Земледѣлецъ индивидуально производитъ молоко, яйца, птицу, овощи. Кооперативъ собираетъ, отправляетъ, продаетъ. Однако, кооперативъ вліяетъ на индивидуальнаго производителя, потому что кооперативъ, въ интересахъ всѣхъ своихъ участниковъ, слѣдитъ за качествомъ продукта и, кромѣ того, помогаетъ производителямъ закупкой удобренія, сѣмянъ, и проч. Но явленіе—особенно интересующее насъ,

если принять во вниманіе предметъ нашей работы —это явленіе состоитъ въ томъ, что сельскохозяйственные кооперативы не уничтожаютъ индивидуальной эксплуатаціи, индивидуальной собственности на эксплуатируемое имущество. Въ кооперативахъ промышленныхъ или торговыхъ такого явленія не существуетъ. Оно—результатъ особаго характера, присущаго сельскому хозяйству и сельскохозяйственной эксплоатаціи.

Принимая въ разсчетъ это явленіе, мы думаемъ, что, подъ воздѣйствіемъ естественной необходимости, еще въ теченіе долгаго времени—быть можетъ, нѣсколькихъ вѣковъ—сельскохозяйственная земельная собственность останется въ личномъ владѣніи, такъ какъ она эксплуатируется лично. Сельскохозяйственная культура, и, въ частности, огородничество, чтобы быть производительной, требуетъ личной эксплуатаціи. Даже культура злаковъ находится въ тѣхъ же условіяхъ, ибо только личная эксплуатація позволяетъ сдѣлать культуру дѣйствительно интенсивной Экстенсивная культура необъятныхъ земельныхъ площадей Америки обладаетъ меньшей производительностью, сравнительно съ интенсивной культурой небольшихъ участковъ земли въ Китаѣ. Естественное стремленіе земледѣльца – это обрабатывать такую площадь, какую онъ можетъ обработать лично. Такое стремленіе наблюдается почти повсюду. И фактъ этотъ имѣетъ тѣмъ большее значеніе, что онъ существуетъ и въ Австралазіи, гдѣ общей тенденціей является

огосударствленіе промышленности и торговли. Значитъ, и тогда, когда въ сферѣ промышленности и торговли движимая и недвижимая собственность сдѣлается собственностью коллективной,—сельскохозяйственная собственность, вѣроятно, останется личной. Обработка будетъ производиться лично, но, подъ давленіемъ интереса, собственникъ земли предоставитъ общественной организаціи, кооперативу, продажу и распредѣленіе продуктовъ своего личнаго труда.

Важно замѣтить, что вытѣсненіе личной собственности въ промышленности и торговлѣ собственностью коллективной влечетъ за собой и уничтоженіе класса получателей ренты, этихъ паразитовъ, живущихъ чужимъ трудомъ. Очевидно, что при новыхъ условіяхъ земельный собственникъ, не обрабатывающій лично своей земли, не въ состояніи будетъ существовать. Земля будетъ во владѣніи того, кто захочетъ на ней работать. Эта тенденція проявляется въ ростѣ мелкой земельной собственности, идущемъ параллельно съ ростомъ крупнаго землевладѣнія, о чемъ мы уже говорили.

Итакъ, земля будетъ находиться въ индивидуальномъ владѣніи и въ личномъ пользованіи, но во многихъ областяхъ, сообразно съ условіями среды, люди убѣдятся, какую выгоду принесетъ коллективная, общая работа, сопряженная съ уменьшеніемъ числа мелкихъ участковъ и употребленіемъ машинъ. Тогда, безъ сомнѣнія, и въ сельскомъ хозяйствѣ коллективный трудъ мало по малу за-

мѣнитъ индивидуальный, и эта замѣна повлечетъ за собой, какъ неотвратимое слѣдствіе, вытѣсненіе индивидуальной земельной собственности собственностью общественной. Все это будетъ дѣломъ времени.

Важно замѣтить еще, что преобразованіе личной собственности въ общественную подразумѣваетъ превращеніе права „употребленія и злоупотребленія„ въ простое право употребленія. Въ самомъ дѣлѣ, для индивидуальнаго владѣльца земли, которую онъ обрабатываетъ лично, его владѣнія явятся скорѣе предметомъ пользованія, чѣмъ предметомъ собственности. Въ самомъ дѣлѣ, личность будетъ обладать только, исключительнымъ по отношенію ко всѣмъ другимъ, правомъ пользованія извѣстнымъ участкомъ. Эта личность будетъ поставлена въ такія же условія, какъ и рабочій, владѣющій на правахъ пользованія своими орудіями или своей машиной въ синдикальномъ производительномъ кооперативѣ. Что касается дѣйствительнаго владѣльца средствъ производства, земли,—которую труженикъ земледѣлецъ будетъ обрабатывать индивидуально или коллективно—по своему усмотрѣнію, то такимъ владѣльцемъ является община, или область, или государство. Но права обоихъ этихъ владѣльцевъ—одного, владѣющаго на правахъ пользованія и другого, владѣющаго на правахъ собственности,—будутъ опредѣлены такъ, чтобы обезпечить интересы и личности, и общества. Примѣръ этому существуетъ уже въ Новой Зеландіи, гдѣ

государство, частью является собственникомъ земли и сдаетъ ее въ аренду земледѣльцамъ, лично обрабатывающимъ свои участки.

Итакъ, въ обществѣ будущаго, которое въ зародышѣ находится уже въ лонѣ общества нашихъ дней, общественная собственность во многихъ отношеніяхъ будетъ преобладать надъ собственностью индивидуальной. А потому, это будущее общество явится обществомъ соціалистическимъ.

Не нужно думать, однако, что въ соціалистическомъ обществѣ завтрашняго дня индивидуальная собственность исчезнетъ вовсе. Мы видѣли сейчасъ, что она сохранится для значительной доли земельныхъ участковъ. Она будетъ существовать также для жилищъ—домовъ или квартиръ,—но существовать въ формѣ пользованія, права обладанія вещью для употребленія ея сообразно своимъ нуждамъ. Платье, личныя украшенія и украшенія для жилища, произведенія искусства и орудія личнаго усовершенствованія, въ родѣ книгъ, и т. п.—останутся въ индивидуальномъ владѣніи. Но большая часть этихъ вещей являются вещами изнашивающимися, т. е., уничтожающимися при употребленіи. И анализируя вопросъ, мы видимъ, что въ существѣ дѣла это индивидуальное обладаніе вещами совпадаетъ съ правомъ пользованія вещью, а не съ правомъ употребленія и злоупотребленія ею.

Современное намъ капиталистическое общество движется по пути къ соціалистическому обществу

будущаго. Думаемъ, что мы показали это. Такое преобразованіе представляется неизбѣжнымъ, роковымъ. Оно является одновременно и объективной, и субъективной необходимостью,—я хочу сказать, что оно опредѣляется и природою вещей, и стремленіями человѣческаго разума. По этой причинѣ мы видимъ, что,—и какъ теорія и какъ политическая партія—соціализмъ растетъ во всѣхъ странахъ, даже въ такихъ, которыя—напримѣръ, Японія и Китай—едва начинаютъ открывать свои двери для западной цивилизаціи. Даже если грядущія научныя открытія, возможныя, даже вѣроятныя, окажутся благопріятными для широкаго распредѣленія двигательной силы по жилищамъ и, такимъ путемъ, вызовутъ частичное возрожденіе мелкихъ ремесленниковъ, работающихъ на дому, даже и въ такихъ условіяхъ, говорю я, преобразованіе современнаго общества въ общество соціалистическое, тѣмъ не менѣе, станетъ фактомъ. Быть можетъ, нѣкоторыя отрасли производства, подобно сельскому хозяйству, примутъ формы индивидуальной эксплуатаціи, но это нисколько не помѣшаетъ распредѣленію продуктовъ на началахъ кооперациіи, началахъ общественныхъ, сообразно съ основной тенденціей, наличность которой мы показали всюду.

Преобразованіе индивидуальной собственности въ собственность общественную — неотвратимо. Мало по малу оно совершается съ каждымъ днемъ, столько же на дѣлѣ, фактически, сколько и въ идеѣ, путемъ преобразованія умовъ.

Человѣчество идетъ къ тому, чтобы осуществить обобществленіе имуществъ. Какъ закончится это движеніе? Произойдетъ ли переворотъ путемъ насилія, путемъ возстаній, путемъ революцій? Очевидно, да, если обладатели капиталистической собственности будутъ упрямо противиться движенію. Если они хотятъ нагромождать препятствіе за препятствіемъ на пути коллективной собственности; если они не пожелаютъ понять, что непрерывный ростъ синдикатовъ и кооперативовъ есть неизбѣжная необходимость; если они воспрепятствуютъ постоянному уменьшенію государственной власти и увеличенію свободы,—тогда имъ неотвратимо грозитъ столкновеніе съ пролетаріатомъ, классомъ самымъ многочисленнымъ и съ каждымъ днемъ все больше пріобрѣтающимъ сознаніе своихъ коллективныхъ интересовъ и своей коллективной пользы. Прогрессъ общественной собственности будетъ продолжаться, синдикаты и кооперативы будутъ увеличиваться, свобода будетъ расти. Таковъ—мы не сумѣли бы повторять это слишкомъ часто — таковъ роковой ходъ вещей.

Если изъ-за упорства капиталистовъ и вслѣдствіе чрезмѣрной поспѣшности пролетаріевъ, жаждущихъ воплотить въ жизнь свои надежды—предстоящее преобразованіе осуществится огнемъ и мечемъ,—оно все-таки, осуществится медленно, ибо ничто не достигается однимъ ударомъ, — то человѣчество потеряетъ понапрасну значительную массу энергіи. Это будетъ колоссальная затрата человѣческихъ жизней и матеріальныхъ благъ; такой спо-

собъ соціальнаго переустройства обойдется, въ концѣ концовъ очень дорого.

Со стороны людей было бы гораздо умнѣе осуществить это неизбѣжное преобразованіе возможно болѣе экономнымъ путемъ. Въ самомъ дѣлѣ, признакомъ хорошаго хозяйства является экономить издержки и все-таки получить требуемый результатъ. И это возможно, если правящій классъ капиталистовъ откажется отъ своего упорнаго противодѣйствія, а классъ пролетаріевъ захочетъ уменьшить свои требованія.

Человѣкъ, естественно, стремится поскорѣе осуществить свои желанія. И это естественное стремленіе людей объясняетъ тѣ дѣйствія, къ которымъ прибѣгаютъ они, чтобы ускорить роковой ходъ вещей или попытаться помѣшать ему. Но, овладѣвая своими чувствами, человѣкъ начинаетъ размышлять, и изученіе истекшихъ тысячелѣтій скажетъ ему, что всякое преобразованіе по необходимости медленно, и по необходимости неизбѣжно. Перемѣны въ строѣ вещей влекутъ за собой—и уклониться отъ этого невозможно—влекутъ за собой перемѣны въ человѣческихъ воззрѣніяхъ. А эти послѣднія перемѣны создаютъ у человѣка новую психику. Вы видите, что въ результатѣ этого процесса всякое преобразованіе совершается по необходимости медленно, даже очень медленно.

Но если прогрессъ оказывается медленнымъ, очень

медленнымъ, то это сначитъ, что онъ не обезпеченъ. Напротивъ, при медленномъ движеніи онъ вѣрнѣе, чѣмъ если бы быстрота его по внѣшности была громадной. Я говорю: по внѣшности, ибо очень часто бываетъ, что быстрота преобразованія вещей слышкомъ велика для того, чтобы его сопровождало соотвѣтственное преобразованіе умовъ у большинства людей. Въ такихъ случаяхъ на сцену выступаетъ реакція и разрушаетъ добрую часть прогресса, достигнутаго ранѣе совершившимся преобразованіемъ.

Такъ какъ соціальное переустройство неотвратимо, то въ нашихъ интересахъ способствовать тому, чтобы оно совершалось возможно болѣе экономно, чтобы удалось, въ мѣру возможнаго, избѣжать человѣческихъ страданій, потери человѣческихъ жизней и благъ матеріальныхъ. И мы должны работать въ томъ направленіи, въ какомъ происходитъ это переустройстяо. Это значитъ, что мы должны стремиться увеличить число вещей, находящихся въ общественной собствиности, увеличить число участниковъ синдикатовъ и кооперативовъ, замѣнить (въ торговлѣ и промышленности) акціонерными обществами отдѣльныхъ лицъ, владѣющихъ движимостью и недвижимостью. Мы должны распространить прогрессивный налогъ и на наслѣдства, чтобы постепенно превращать собственность на вещи изъ личной въ общественную. Мы должны способствовать повышенію заработной платы, ибо слѣд-

ствіемъ его является увеличеніе стоимости жизни, а отсюда необходимость трудиться для тѣхъ, кто къ этому способенъ, и уменьшеніе процента на капиталъ, т. е., уничтоженіе паразитирующихъ обладателей ренты. Словомъ, мы должны оказывать поддержку всякому соціальному преобразованію, ведущему капиталистическое общество къ обществу будущаго и приближающему моментъ замѣны перваго вторымъ, посредствомъ мѣръ наиболѣе экономныхъ, безъ потерь, безъ излишняго труда. Усилія людей должны какъ можно болѣе соотвѣтствовать общественной полезности результата этихъ усилій.

Вы видите, что желая перестроить общество, соціалисты не хотятъ чего то нелѣпаго, не хотятъ уничтоженія собственности, какъ говорятъ нѣкоторые. Они хотятъ собственности по существу своему разумной, ибо она соотвѣтствуетъ основному ходу вещей. Тогда какъ въ современномъ обществѣ только горсть личностей являются собственниками, соціалисты хотятъ, чтобы собственниками стали всѣ, т. е., чтобы всякое человѣческое существо было владѣльцемъ, на правахъ пользованія, своихъ орудій труда, своего жилища, своей одежды и пищи.

Итакъ, кто правильно понимаетъ свой личный интересъ, тотъ долженъ работать надъ дѣломъ соціальнаго переустройства. Каждый долженъ помогать созданію новаго общества, чтобы это созда-

ніе было менѣе кровавымъ и тягостнымъ. Для всякаго человѣка это требуетъ и его собственный интересъ и интересы всѣхъ другихъ людей, потому что въ дѣйствительности эти интересы совпадаютъ.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. В.К.П. (б)

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	стр.
I. Собственность въ прошломъ	3
II. Собственность въ настоящемъ	23
III. Собственность въ будущемъ	42